

Россия: проблема национальной субъектности

А.И. Неклесса

Позвольте и мне выступить в дискуссии. Но вначале хотелось бы отреагировать на прозвучавший тезис о пропаганде. В работе семинара мы преследуем две цели: во-первых, обсуждая серьезные, как было сказано «широкие и глубокие» вопросы, мы углубляем и проблематизируем основную тему нашего семинара, вскрывая, в том числе, внутренние противоречия, а во-вторых, мы пытаемся на подобной дискуссионной основе выстроить связанное рассуждение, которое по возможности не было бы стереотипным и поверхностным прочтением ситуации.

Однако ближе к сегодняшней теме. Сначала небольшое вступление в нее: положу зернышко на мельницу В.М. Межуева по поводу соотношения науки и ценностей, для чего привлеку в качестве авторитета Эйнштейна, как-то сказавшего примерно следующее: *«Наука не способна создавать цели, еще менее — воспитывать их в человеке. В лучшем случае наука может предоставить средства для достижения определенных целей. Но сами цели порождаются людьми с высокими этическими идеалами. И если эти цели не мертворожденные, а обладают некой жизненной силой, то их принимают и осуществляют массы людей, которые, действуя не вполне сознательно, определяют постепенную эволюцию общества»*.

Проблема целей, ценностей, мировоззренческих, конфессиональных основ существования общества, как мне представляется, более чем актуальна именно в наше время. Сами ценности мы определяем по-разному, в сегодняшнем разговоре мы в основном обсуждали ценности государства. Однако что же такое сами ценности? По-моему, это координаты субъективного бытия. Каждый субъект — будь то личность или со-

общество — имеет свою систему координат, которая определяется присущими ему ценностями. Если выразить то же самое некой афористичной формулировкой, я бы сказал так: ценности — это координаты субъективного бытия, выражаемые в мировоззрении и проявляющиеся в миростроительстве.

В докладе прозвучала мысль (с которой я внутренне не согласился) о раздельном существовании ценностных основ и, скажем так, эмпирического слоя. В подобном конструкте я вижу следствие просвещенческого, точнее механистического воззрения на строение общественного организма. Выскажу со своей стороны еретично звучащую мысль: по-моему, чисто «эмпирического существования» вообще не существует, оно всегда пронизано определенными ценностными ориентирами. Просто, ведя разговор о ценностях, мы, как это свойственно людям, категорию ценностей возвеличиваем, смешивая ценности с идеалами.

В распространенном понимании ценности — заведомо позитивная категория (это отчетливо проявилось в сегодняшнем разговоре). В то же время категория как таковая заведомо не имеет этического статуса. Ценности, к слову сказать, могут быть и негативными. Кстати, образ человека, жившего в СССР, был заведомо искажен подобной аберрацией: люди в опросах заявляли в основном декларируемые ценности. Отчасти поэтому в упомянутом германском опросе (где многие ценности оказались, что называется, ниже поясицы) результаты были предрешены откровенностью респондентов. А в СССР люди считали себя обязанными выражать некоторую позицию. Реальные же, а не декларируемые ценности общества, можно прочесть, скажем, в рейтингах телевизионных передач.

Присущие тому или иному обществу ценности определяют его горизонт (высокий или низкий), целеполагание, жизнеспособность, стилистику бытия. Общественные организации, в которых реально присутствует система ценностей, связанная с сильными и высокими идеалами, оказываются

достаточно жизнеспособными и могущественными. Сегодня мы говорили о России, но в качестве некоего исторического кейса приведу цитату из Мэйфлауэрского соглашения — одного из основных документов, созданных американскими отцами-пилигримами. И отразившего в определенной мере ценностное целеполагание, заложенное в основу этой версии социального строительства: *«Предприняв во славу Божию, во имя распространения христианской веры, и в честь нашего короля и страны путешествие с целью основания первой колонии в северных частях Вирджинии, настоящим торжественно и со взаимного согласия перед Господом Богом, перед друг другом обязуемся: объединиться в гражданское, политическое сообщество для установления более совершенного порядка, для сохранения и осуществления вышеуказанных целей».*

Итак, 102 человека, если не ошибаюсь, в течение 40 дней плыли на корабле «Мэйфлауэр», вырабатывая «на палубе» определенную концепцию, которую подписали 41 человек. Интересно, как были отобраны эти 41 человек. Здесь еще называется идущая от Древней Греции традиция в понимании того, кто есть гражданин, а кто есть просто житель. На тот момент это были главы семейств, слуги и моряки, но не все. Не подписали документ два моряка. Почему не подписали? Потому что они предполагали, что на территории Америки будут присутствовать менее года, поэтому не посчитали себя ответственными подписывать заявление о том, как будет обустроена эта территория.

Почему я привел этот случай в качестве примера? Просто мы редко имеем возможность наблюдать модель в действии, чистый социальный эксперимент. Соединенные Штаты — это тот редкий случай, когда проектность государства, его ценностные ориентиры, кирпич за кирпичом закладывались в основание политической культуры в процессе социального строительства.

Интересно, что российская идея пути в запредельность — как мне представляется одна из наиболее характерных черт

российской идентичности — в территориальном отношении достигла своего апофеоза во встрече России и Запада на территории американского континента...

Рассуждая о России, мы часто находимся под очарованием (именно в точном значении этого слова) исторической традиции, сформированной еще в царской России, имперской России; традиции Карамзина, Соловьева и т. д., которые совершили весьма успешный — как сказали бы современные психологи — импринтинг. Они, в частности, утвердили в русском сознании концепцию единой России, в то время уже существовавшей в виде необъятной территории. Однако многие реальные исторические ситуации и процессы оказались за гранями выстроенного образа.

На одном из прошлых семинаров я как-то упомянул поразившую меня фразу Карамзина: *«корабли, плывущие из русских стран»*. В реальной истории присутствуют разные «русские страны». Северо-восточная Русь — Московское царство, действительно, заняла среди них доминантное положение, став Русью имперской.

Но была и ныне продолжает свое существование Юго-западная Русь, которая на страницах истории была прописана как Великое княжество Литовское и Русское, где, кажется, из 14 провинций 2 было литовских, а 12 — русских, и которая сегодня вновь проступает и оформляется в виде культурных пространств Белоруссии и Украины. А еще — Северо-западная Русь: Новгородская и Псковская. У этих стран была собственная социокультурная доминанта — городская, коммунальная культура, определяемая Магдебургским правом, либо его аналогами. Сейчас, когда мы наблюдаем цивилизационный разлом с Украиной после краха режима Кучмы, далекая ретроспектива позволяет лучше понять характер происходящих процессов и направление развития событий.

Или другая формула идентичности в мозаике Руси — Русь казачья, эта бурлящая волна на пределе. Казачья — в весьма широком понимании: это и Северный Кавказ, и Урал,

и Приамурье, и Сибирь, и Туркестан, и Дальний Восток, и другие расширявшиеся окраины и пределы. В качестве русской «дальней границы» подобного предела на востоке я уже упоминал Америку: Калифорнию, Аляску, острова, где возникала новая формула русской, морской, океанической государственности, хотя она и не прижилась. Характерно и выразительно именно в данном контексте одно из названий северной части Тихого океана — Русское море.

Но проблема государственности, его ценностных основ и мировоззренческих ориентиров — это составная часть проблемы социальности. Социальность — более широкое понятие. Нередко, когда говорят о «кризисе государства», на самом деле имеют в виду, прежде всего, кризисное состояние общества. Тем более, что сегодня мы имеем дело с весьма своеобразно прочитываемой социальностью новых субъектов политического действия — так называемых корпораций-государств.

В современном или уже следует говорить постсовременном мире возникает новый формат социальных конструкций и ассоциаций, обладающих прямо или косвенно определенным набором властных полномочий. Как это сказывается на привычной мироустроительной оболочке? Ряд процессов указывает (как телевидение в случае с населением) на изменение мировоззренческих основ и ценностных, целевых ориентиров у властной элиты общества. Действительно, если мы начинаем анализировать ту или иную ситуацию с точки зрения интересов национального государства, то нередко натываемся на абсурд. Другими словами, мы сталкиваемся с политическими шарадами, например, когда государство действует вопреки своим национальным интересам.

Почему я поднимал сегодня проблему национальной субъектности? Потому что, мне кажется, одна из основных проблем России в том, что в ней утрачивается такой субъект как национальное государство. Скажем, ситуация с Беларусией в начале года показала доминирование интересов одной

А.И. Неклесса. Россия: проблема национальной субъектности

из *corporation state*, над интересами *nation state*. Ситуация в современной России-РФ совсем не уникальная. Развиваются схожие процессы и в других странах мира. В результате мы получаем некую мультипликативную организованность, где астероидные группы, я имею в виду *corporation states* — осколки национальных планет-государств — объединяются в трансграничную констелляцию, которая, в свою очередь, вбирает (в качестве второго эшелона) также лоскутья прежней оболочки, по-своему приватизируемой бюрократическим кланом. Таким образом, мы получаем весьма своеобразное прочтение социализации, когда интересы определенных социальных групп оказываются существеннее, нежели интересы таких политических организмов, как национальные государства.

На этом фоне мы наблюдаем экспансию темы русского мира. Весьма интересные сообщества, к сожалению, остались за рамкой сегодняшнего разговора. И прежде всего — русская диаспора в странах «ближнего» и «дальнего» зарубежья. К примеру, в тот момент, когда Балтийские республики вступили в ЕС и Шенгенскую зону, русскоязычное население этих республик приобрело достаточно своеобразный статус. Оказавшись лишенными гражданских обременений (службы в армии, участия в политических структурах), они получили свободу передвижения в ЕС и карт-бланш на экономическую практику. Интересен был бы также анализ развития русскоязычной культурной ситуации вне привычного государственного контекста, т. е. развитие культуры «свободных ассоциаций» русских, что, по-видимому, способно в какой-то момент обернуться серьезными социокультурными и политическими следствиями.

Ситуация в мире меняется, и меняется кардинально. Живя в эпоху радикальных перемен в России, мы настолько пропитались духом внутренних, постсоветских трансформаций, что в чем-то психологически упускаем тот эпохальный, глобальный переход, который переживает сегодня человечество. Именно поэтому, на мой взгляд, ту концептуальную

часть, которую представил сегодня докладчик, следовало бы расширить, распространив анализ на ситуацию не только сегодняшнего дня, но и предстоящего. Россия находится в сложной ситуации. Мы так привыкли к словосочетанию «динамика развития», что автоматически закладываем в направленный в будущее вектор императив развития. Однако существуют рекуррентности, существуют инволюции, повторные архаизации, анонизация...

Сегодня мы, возможно, находимся в критической точке российской истории. И основной дефицит — энергия культуры, которая в новом дисперсном мире вырабатывает своеобразную гравитацию склейки. Так или иначе, либо Россия найдет свой рецепт социокультурной гравитации и воплотит его тем или иным эффективным образом в жизнь, либо у нее разовьется определенная культурная импотенция. Если же позитивного перелома складывающейся в стране ситуации «молчаливого большинства» не произойдет, то вопрос, заданный в начале XXI в. Томасом Грэхемом о том, не пришла ли «пора подумать о мире без России», может утратить привкус скандальности.

К сожалению, Россия-РФ рискует при всем ее нефтяном и газовом наследстве превратиться в территорию, состоящую из терминалов мегаполисов и автономных государств-корпораций (в том числе территориальных), управляемую по преимуществу «вахтовым способом» особым слоем людей, обладающих мультипликативным гражданством. Людей, обладающих неким новым мировоззрением и собственной системой ценностей.